

НИКА ЛУНАРА

*ДРОЖИ ОТ
МЕНЯ
Вместо сердца*

18+

Ника Лунара

Дрожи от меня. Вместо сердца.

<https://litres.ru/73923558>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая часть дилогии.

Я думала, хуже его внимания быть ничего не может. Я ошибалась. Когда по моей вине он чуть не лишился жизни, мир перевернулся.

Теперь он ненавидит своё тело, злится на мир и больше всего — на себя.

Если раньше я дрожала от его прикосновений, то теперь — от страха потерять его.

Это больше не игра и не борьба характеров. Это война — за него, за нас, за право любить, даже когда всё разрушено.

Содержание

ВНИМАНИЕ: ОТ АВТОРА	4
Глава 1.	6
Глава 2.	20
Глава 3.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ника Лунара

Дрожи от меня.

Вместо сердца.

ВНИМАНИЕ: ОТ АВТОРА

Добро пожаловать во вторую главу истории, где правила игры диктует уже не страсть, а инстинкт выживания.

Прежде чем вы откроете книгу, я хочу предупредить: здесь нет идеальных путей и простых решений. Это история о взрослении через шрамы, о предательстве, которое выживает изнутри, и о прощении, которое требует больше мужества, чем любая драка.

Если вы не готовы к погружению в серую зону морали, где нежность пробивается сквозь сталь вопреки здравому смыслу, возможно, эта дорога не для вас. Но если вы готовы пройти этот путь до конца — добро пожаловать.

Строго 18+

Послесловие:

Мы продолжаем этот путь там, где цена ошибки стала запредельной, и я надеюсь, что вы прочувствуете каждый излом этой главы. Эта книга — исследование того, как трансформируется одержимость, когда на смену жажде обладания

приходит инстинкт защиты.

Я буду искренне признательна за ваши мысли в комментариях. Как вы считаете, где заканчивается забота и начинается тотальный контроль? Можно ли построить общее будущее на обломках прошлого, которое ещё кровоточит? Мне важно знать, как вы воспринимаете это взросление через боль и что заставляет вас верить или сомневаться в выборе героев.

Впереди ждет время горькой правды и исцеления, которое порой ранит сильнее самой травмы. Спасибо, что остаетесь рядом и разделяете этот непростой путь со мной. Давайте обсудим всё, что осталось между строк, я жду ваших откликов с первых глав.

Чувствуйте. Прощайте. Дрожите.

Глава 1.

Лев.

В аудитории стоял сонный гул. Преподаватель монотонно бубнил что-то про макроэкономику, но для нашего ряда мир сузился до вполголоса брошенных фраз. Я сидел с Кириллом. Он парень попроще, чем Яр, язык за зубами держать не умеет, если правильно нажать на нужные рычаги.

Я лениво крутил в пальцах ручку, делая вид, что фиксирую тезисы, а на самом деле технично выуживал информацию. Как профессионал, подсекающий крупную рыбу.

Я смотрел на Яра, сидящего за соседней партой, и видел всё то же упрямое отражение самого себя, только в другом спектре. Мы всегда были одной бандой, одним целым, но при этом вечными соперниками. В детстве мы часами спорили, как лучше стащить ключи от отцовского гаража: Яр предлагал просто вынести дверь к чертям, а я уже вырисовывал план, как выкрасть их из кармана пиджака, пока батя спит. Одна цель, одна дорога, но методы всегда разные.

Яр — это огонь и хаос. Он прёт напролом, вскрывая этот мир ломом. Я — холодный расчет и тишина. Мы всю жизнь доказывали друг другу, чей подход эффективнее: его стихийная мощь против моего ледяного интеллекта. Эти «психологические шахматы» на живых людях всегда были нашей главной страстью.

Я уже пробил общие слухи: какой-то недавний замес с «охотниками», периодический гнёт девчонки, а теперь и пафосные спасения Слишком много непонятной суеты, слишком много лишних движений для того, кому «ровно». Но я знал главное: если Яр её выделил, если так вцепился в эту серую мышку, значит, в ней есть что-то стоящее. У брата звериная чуйка на интересные экземпляры. Она достойна нашей игры.

— И что, — я чуть склонил голову к Киру, не отрываясь от тетради, — наш грозный Волк реально верит, что она святая? Или просто решил сменить тактику?

Кир хмыкнул, прикрывая рот ладонью от препода:

— Да чёрт его знает, Лев. У неё там парень есть, Дима. Из их же деревни. Там, по ходу, всё максимально целомудренно: за ручки держатся, в щёчку целуются. Яр её поначалу жестко прессовал, ну, ты знаешь его манеры, ломился танком, а потом притих.

Я замер. Это было красиво. Яр никогда не притихает просто так.

— Притих? После чего?

— Да после того клуба... — Кир замялся. — Что там между ними реально происходит — Яр молчит как партизан, но после той ночи он её пальцем не трогает. Только рычит на всех, кто в её сторону дышит. Охраняет, как цепной пес.

Я сделал пометку на полях: «*Защита вместо нападения*». Значит, брат либо по-настоящему испугался своих чувств,

либо она дала ему такой отпор, что его хвалёная самоуверенность дала трещину. Или... она открылась ему так, что он решил — её нельзя ломать привычными методами.

— Проводили несколько раз время с девчонками: на байках катали, на «Стекляшку» ездили. Нормальные девчонки оказались. И Яр с Зи постоянно куда-то уединяются...

— А этот Дима? — я перевел взгляд на Кира. — Яр ведь не из тех, кто терпит массовку на своем поле.

— О-о, там всё сложно, — Кир азартно подался ближе. — Яр под него копал. Говорит, нарыл кучу дерьма, там за пацаном хвосты тянутся такие, что мало не покажется. Но на Зину выливать не хочет. Сказал — не время ещё. Мол, она не вывезет сейчас этой правды. Бережет её, прикинь? Наш Яр!

Я едва заметно усмехнулся. Мой импульсивный брат решил поиграть в благородство. Он прячет от неё грязь, думая, что так сохранит её свет. Глупец. Тьму нельзя спрятать, от неё нужно давать противоядие.

Яр зовет её «Мур», приручает, как зверька. Он думает, что запер её в своей тени, не понимая, что просто подготовил почву для меня. Он действует грубо, как с сорняком, хотя этот «цветок» явно требует другого обращения.

Я щёлкнул крышкой зажигалки. Сталь против огня. Галантность против ярости. Раз он утверждает, что она для него ничего не значит, я с удовольствием вступлю в эту хватку. Посмотрим, чей метод окажется для нашей монашки

притягательнее.

— Что ещё за ней числится? — я закинул удочку поглубже.

— Да что... Деревенская она. Каждые выходные этот Дима её забирает, и они укатывают к себе. Она там как в коконе: ни тусовок, ни шмоток, ни мажоров. Яр — единственный, кто пробил эту стену. Но, кажется, он сам застрял в обломках.

Я снова щелкнул ручкой. Картина складывалась. Яр защищает её от правды о Диме, защищает от универа. Он строит вокруг неё забор, надеясь, что она останется его Мур. Но я видел её глаза. Ей не нужен забор. Ей нужен тот, кто откроет ей дверь в настоящий мир, а не в этот суррогат из деревенских свиданий и байкерского романтизма.

«Не время еще, говоришь, брат?» — подумал я, глядя в окно, где на парковке блестел мой спорткар. — *«А я думаю, время пришло. Только правда освобождает. И если ты боишься её расстроить, это сделаю я. Но так изящно, что она сама придет ко мне за утешением».*

Я представил, как Зина узнает о подвигах своего Димы. Ее тихий мирок должен был рухнуть. В этот момент рядом не должно быть рычащего Яра. Рядом должен быть кто-то, кто подаст платок, процитирует нужную строчку и назовет её Люминией.

— Кир, — я посмотрел на парня. — А где они обычно встречаются по выходным? На какой остановке?

— Да у центрального входа, — пожал плечами Кир. —

Там вечно этот жигуль Димин коптит. А что?

— Да так, — я снова улыбнулся своей самой вежливой улыбкой. — Просто люблю точность в деталях.

Яр всегда брал силой, но я возьму знанием. Если Дима — это «грязь», которую Яр так старательно прячет, то я сделаю её видимой. Я не стану смеяться над её обманутым доверием. Я просто покажу Люми, что её чистый мир держится на гнилых подпорках и двойном дне, о которых она даже не подозревает.

Её свет заслуживает лучшей оправы, чем деревенский парень, ведущий свою тайную игру, и агрессивный брат с его байкерским романтизмом. Яр боится, что правда её сломает. Я же уверен, она её освободит.

Ты так боишься её сломать, брат, что сам стал её заложником. Но в этой партии побеждает не тот, кто сильнее сжимает кулаки, а тот, кто знает, в какой момент нанести удар правдой. Твои секреты — это мой джокер. И я готов его разыграть.

Раскопать инфу о Диме было несложно. Часть Яр сам вывалил вечером под пиво. Его явно распирало от того, что он знает правду, которую не может сказать монашке. Остальное добавили мои собственные источники.

Мне до зуда в ладонях хотелось посмотреть на этого героя ее романа. Почуять его запах, понять, на чём держится этот хрупкий деревенский мир Люминии. Поэтому в субботу я не

пожалел времени.

Я припарковал свой графитовый Porsche в тени деревьев, чуть поодаль от главного входа. В тусклом октябрьском свете полированный графитовый металл казался почти чёрным. Я сидел внутри, окутанный запахом дорогой кожи, и ждал.

А вот и он. Старый, дребезжащий жигуль вкатился во двор, дребезжа каждой деталью. Инеродное тело на фоне современных корпусов. Дима вышел из машины, поправляя куртку. На первый взгляд типичный «хороший парень» с мягкими чертами лица и добрым взглядом. Симпатичный и по-своему породистый, но эта порода полевая, не рафинированная. Деревня.

В его облике еще слишком много мальчишеского, но каждое движение уже выдавало неоправданный вызов и скрытую настороженность побитого пса. Он отчаянно пытался казаться старше, чем был на самом деле, но на фоне тех, кто уже переступил порог взрослой жестокости, эта игра выглядела почти жалко.

Дима не сразу заметил меня, но его взгляд почти мгновенно зацепился за мой автомобиль. Я видел через тонированное стекло, как он замедлился, оглядывая Porsche. В его глазах отразилось инстинктивное понимание: эта вещь здесь лишняя. Слишком дорогая, слишком хищная.

Он ещё не знал, кто внутри, но уже ощетинился на сам факт присутствия такой силы на парковке.

Я толкнул дверь и вышел. Щелчок замка в утренней ти-

шине прозвучал как взвод затвора.

Дима замер. Я непринужденно направился к нему.

— Привет. Ты Дима? — я остановился в паре шагов, привычно пряча руки в карманы кашемирового пальто.

Он смерил меня взглядом с ног до головы. Мой прикид, манеры и тачка за моей спиной — всё это было частью одного пазла, который вызывал у него глухое раздражение.

— Привет. Да, я. А ты кто?

— Меня зовут Лев, — я выдал свою самую обезоруживающую улыбку, ту самую, которой в Лондоне открывал двери закрытых клубов. — Перевёлся только, вот, знакомлюсь понемногу со студентами.

— Я не студент, — буркнул он, уже собираясь отвернуться к машине.

— Знаю, — я понизил голос, делая его чуть более веским. — Ты парень Зины.

Дима замер. Медленно развернулся. Его глаза сузились, превратившись в две колючие щелки. Сканирует. Ревнив, это я считал за секунду. В его мире за разговор о «его девочке» принято бить в морду, но что-то заставляло его помедлить.

— Откуда ты знаешь Зину? — процедил он.

— Да кто в этом универе её не знает? — я чуть повел плечом, небрежно и легко. — Она у тебя такая... другая. Редкий экземпляр для этих мест.

— Чё это значит? — Дима сделал шаг вперед. В воздухе

отчетливо запахло агрессией.

В этот момент двери общаги распахнулись. Зина вышла на крыльцо, кутаясь в удлиненную кофту, и застыла. Её взгляд метнулся от Димы ко мне. В омутax её глаз отразилась такая смесь чувств, что я едва не заплодировал: узнавание, недоумение и... страх.

Она смотрела на Диму, как смотрят на взведенный курок. По тому, как она сжалась, я понял: она уже слышит, как внутри него заводится мотор слепой ревности. Моё появление, наглое обозначение ещё одного Волкова в её жизни, стало для неё последним предупреждением.

Я понимал, что подставляю её. Но если Яр в своей охоте привык ломиться сквозь кусты, ломая саму добычу, то я предпочитал убирать опоры. Сначала этого деревенского ревнивца, затем иллюзию защиты, которую давал ей брат. Я выжигал её мир до основания не из жестокости, а ради чистоты эксперимента. Чтобы в итоге, когда пыль уляжется, ей просто не к кому было идти, кроме меня.

— Привет, Зина, — я поздоровался первым, заставляя её сфокусироваться на мне.

— Привет, Лев... — она выдохнула имя так тихо, что Дима дернулся.

— А я тут с твоим парнем болтаю. О тебе, — я продолжал улыбаться, наслаждаясь тем, как натягивается невидимая струна между нами тремя.

Зина перевела взгляд на Диму. Она смотрела только на

него, будто искала защиты, но я видел, как мелко дрожали её пальцы, сжимающие лямку сумки.

— Обо мне? — переспросила она, и в её голосе появилась дрожь.

— О тебе, Люми, — я специально использовал это имя при нем. — О том, как тебе повезло с таким верным рыцарем. Дима как раз рассказывал, как часто он тебя навещает.

Дима дернул подбородком, услышав это странное, колющее имя. Он явно не понимал, что оно значит, но чувствовал, как оно метит территорию, которую он считал своей. Его кулаки сжались, а взгляд стал ещё тяжелее. Я видел, как он напрягся. Он не понимал моей игры, чувствовал подвох, но не мог зацепиться за слова. Он выглядел рядом с ней как грубая деревянная подставка под хрустальную вазу.

«Боже, Зина, — подумал я, глядя на её бледное лицо, — неужели ты и правда думаешь, что это твой предел? Неужели ты готова провести жизнь в тени этого парня, когда весь мир может лежать у твоих ног?»

Я смотрел, как Дима по-хозяйски кладёт руку ей на плечо, и внутри шевельнулось холодное презрение. Яр почему-то медлил с правдой. Он слишком дорожил её хрупким спокойствием, чтобы нанести удар. Но у меня не было причин для жалости. Я собирался не просто открыть ей глаза, а показать, насколько этот Дима ей не ровня. Сделать это так тонко, чтобы она сама отпустила его руку, почувствовав на ней не тепло, а липкую грязь.

— Ладно, не буду вам мешать, — я кивнул обоим, уже разворачиваясь, чтобы уйти. — Удачных выходных в деревне. Говорят, там сейчас чудесный воздух.

Я уходил, кожей чувствуя, как Дима сверлит мою спину взглядом, а Зина стоит, не в силах пошевелиться. Мой первый ход был сделан. Я не сказал ни слова лжи, я просто подсветил ту пропасть, которая уже начала разверзаться под их ногами. Я посеял в их маленьком раю семена хаоса, и теперь мне оставалось только ждать, когда они дадут первые всходы.

Зина.

Я стояла возле своего парня, и мне казалось, что воздух вокруг превратился в густой кисель. Дима, мой Дима, был очень напряжённый, а рядом с ним этот холёный, невозмутимый Лев. Его пальто стоило больше, чем автомобиль, на котором мы собирались ехать домой.

— Удачных выходных, — бросил Лев, и это его «Люми» повисло в воздухе, как ядовитый туман.

Как только дверь его машины захлопнулась и мотор породисто рыкнул, прощаясь, Дима резко развернулся ко мне. Его лицо пошло красными пятнами.

— Это ещё кто такой? — он не спросил, он выплюнул эти слова мне в лицо, обдавая жаром своего гнева. — Люми? Он тебя как сейчас назвал, Зин? Что это за херня? Что за кликуха собачья?

— Дима, я... я не знаю, — судорожно сжала лямку сумки, чувствуя, как начинают дрожать колени. — Я вижу его второй раз в жизни. Он вчера в столовой подошёл, просто познакомиться...

— Просто познакомится? — Дима сделал шаг ко мне, почти прижав к дверце машины. — У нас в деревне коровам так имена дают, слышишь? Откуда у этого холёного выродка на таком корыте личные прозвища для моей девчонки? О чём вы болтали?

— Ни о чём! Дима, пожалуйста, не начинай, — я почти шептала, оглядываясь на окна общаги. — Он сказал, что он брат Ярослава. Двоюродный.

Дима замер. Его рука, собиравшаяся открыть дверцу, застыла на ручке. Он медленно перевел взгляд на дорогу, где только что скрылся хищный силуэт машины Льва, и я увидела, как его челюсть сжалась.

— Брат? — голос стал тихим и хриплым, отчего мне стало ещё страшнее. — Ещё один Волков? Мало одного придурка, теперь этот... хлыщ. А я думаю на кого он похож...

— Он просто приехал! Дима, я тут при чем? Я не просила его подходить! — слёзы уже жгли глаза. — Поехали домой, пожалуйста. Я просто хочу в деревню, к маме...

— К маме она хочет! — Дима внезапно ударил кулаком по крыше авто, и старое железо жалобно лязгнуло. — Они тебя за дуру держат, Зин! Окружили со всех сторон. А ты стоишь, глазками хлопаешь! Люми он ее называет... Ты хоть

понимаешь, как это со стороны выглядит? Как будто ты их общая подстилка, которую они по очереди окучивают! Мур, Люми... что, мать твою, за интимные прозвища?

Меня будто ударили наотмашь. Я задохнулась от этой грубости. Мой добрый, заботливый Дима, который обещал меня защищать, сейчас втаптывал меня в грязь похлеще любого из пацанов Яра.

— Замолчи... — прошептала я, чувствуя, как по щеке катится первая горячая слеза. — Замолчи сейчас же.

— А чё замолчать? Правда глаза колет? — он сорвался на крик, не обращая внимания на прохожих студентов. — Садись в машину! Я тебе покажу, как с волками якшаться.

Он рывком открыл мне дверь, и я послушно села, сжавшись в комок. Меня обдало запахом старой обивки и ощущением какой-то липкой безнадежности. Дима сел за руль, с силой воткнул передачу, и машина, дернувшись, сорвалась с места.

Дима молчал всю дорогу до выезда из города. Вцепился в руль, челюсти ходили ходуном. Старенький мотор жигулей надрывно ревел, будто разделяя его бешенство. Я прижалась к двери, стараясь стать как можно меньше, и смотрела на проплывающие мимо серые заборы промзоны.

Тишина в салоне стала невыносимой, давящей. А потом он глухо, с каким-то липким подозрением в голосе выдал:

— Ты с ними спишь?

Я аж закашлялась от неожиданности, глотая воздух. В

ушах зашумело.

— Дима... ты в своем уме? Что ты такое говоришь?!

— А я уже не знаю! — он резко крутанул руль, обгоняя грузовик, и машина опасно накренилась. — Вырвалась в город, в общагу... Кто знает, как ты там вертишься перед ними всеми. Может, есть ещё кто-то, о ком я не знаю? На кого ты ещё так глазками стреляешь?

— Дима! — я почувствовала, как по щекам снова потекли слёзы. — Мы с тобой почти каждый час списываемся! Я из библиотеки в общагу и обратно. О чём ты вообще думаешь? Ты же меня знаешь...

— Я знал ту Зину, которая из деревни не выезжала! — рывкнул он, ударив ладонью по приборной панели. — А сейчас я вижу бабу, вокруг которой кружат волки. И ты не бежишь от них, Зин. Ты стоишь и слушаешь их сказки. Думаешь, я не видел, как ты на этого Льва смотрела? У него на лбу написано: «куплю тебя и не замечу».

— Я на него не смотрела! Я испугалась! — сорвалась на крик, перекрывая шум мотора. — И Ярослав... он хоть и задевает меня, как и других студентов, но он другим просто не даёт меня трогать! Это всё!

— Просто не даёт? — Дима горько усмехнулся, и в этой усмешке было столько яда, что мне стало физически душно. — Запомни, Зина: такие парни ничего не делают просто так. Если они тебя охраняют, значит, готовят к обеду. И если я узнаю, что ты хоть на шаг к ним ближе подошла, чем поло-

жено...

Он не договорил. Это тяжелое, липкое молчание напугало меня. Он будто уже вынес мне приговор, не имея на то ни единого доказательства.

Весь остаток пути до деревни мы не проронили ни слова. Я думала о том, что Яр, при всей его грубости, никогда не называл меня бабой, Лев разглядел во мне свет. А мой родной человек видел во мне только потенциальную предательницу.

Внутри всё сжималось от этого обвинения. Да, я предала его. Не на словах, а на деле. Я предала ту Зину, которая покорно ждала Диму, которая должна была быть чистой и верной. Потому что с Яром всё было иначе. С ним я не просто целовалась, я плавилась. От его низкого «Мур» у меня по коже бежали такие мурашки, что кружилась голова. С ним я познала весь спектр: от ледяного страха до бешеного адреналина, от которого звенит в ушах, и, наконец, до того самого спокойствия, которое бывает только в эпицентре шторма.

А ещё... я дважды теряла связь с реальностью в его руках. Те крышесносные мгновения, когда мир рассыпался на искры от ласк Ярослава, когда я кончала, забыв собственное имя. Для Димы я была хорошей девочкой, а Яр вытащил из меня женщину, о существовании которой я и не подозревала.

Глава 2.

Зина.

Когда мы въехали в деревню и за окном замелькали знакомые покосившиеся заборы, я впервые поймала себя на мысли, что не чувствую облегчения. Раньше этот вид означал покой, теперь — удушье.

Раньше Верхнебор был моим спасением. Всё то время, что я училась в университете, мне казалось, что я живу в двух параллельных мирах. В одном был Северск с его безумным ритмом, давящими стенами аудиторий и хаосом, который принёс в мою жизнь Ярослав. Там я была Мурашкой, там каждый день был борьбой, и там воздух был пропитан запахом его кожи, сигарет и опасности. А в другом мире — здесь, в деревне, меня ждала тишина, предсказуемость и Дима.

Я привыкла думать, что стоит мне пересечь невидимую границу между городом и лесом, как шторм по имени Яр утихнет. Что здесь, среди покосившихся заборов и знакомых с детства лиц, я снова стану прежней Зиной.

Но сегодня, глядя в окно дребезжащего жигуля, я впервые поняла: гавань высохла. Тишина больше не дарила покоя, она давила.

Дома должно быть безопасно, но сейчас мне казалось, что я просто переезжаю из одной клетки в другую. В той, город-

ской, прутья были из холодной стали и пахли чужим, пугающим миром Ярослава. А в этой, деревенской, прутья оказались ржавыми и скрипучими. Они насквозь пропитались запахом прелого сена, дорожной пыли и едким выхлопом старой машины, который десятилетиями въедался в обивку сидений. Дима был частью этой клетки. Он отчаянно хотел меня «сохранить», оставить той удобной девочкой, которую он знал всю жизнь. Но он не понимал: спасти уже некого. Та Зина осталась где-то на заднем сиденье мотоцикла Яра, в тот самый момент, когда впервые позволила себе не бежать от шторма, а дышать им.

— Чего молчишь? — буркнул он, подъезжая к моему дому. — Приехали. Иди к матери, лицо умой, а вечером я зайду. Поговорим о твоём университете.

Я молча вышла из машины. Видела, как из окна выглянула мама, махая мне рукой, и стало невыносимо стыдно. Не за поцелуи с Яром, а за то, что я больше не хочу здесь быть.

Дима зашёл за мной около восьми. Его лицо было серым, непроницаемым.

— Пошли к озеру. Поговорить надо.

Дима шел впереди, тяжело топая по сухой траве, и я чувствовала, как между нами натягивается колючая проволока. Когда мы дошли до старого мостика, он резко обернулся. Лицо Димы в сумерках казалось серым и чужим.

— Я всё думал, Зин, — начал он, и его голос был пугающе спокойным, лишенным привычной теплоты. — Эта общага,

этот город они портят тебя. Ты привозишь оттуда чужие слова, чужие взгляды. Ты смотришь на меня так, будто я тебе мешаю.

— Дима, я просто учусь! — попыталась сделать шаг к нему, но он выставил руку вперед.

— Нет, ты не просто учишься. Ты там «вертишься». Эти Волковы, эти мажоры они не просто так вокруг тебя кружат. Я завтра поговорю с твоими родителями, по-взрослому. Мы вернём тебя домой, Зина. Переведешься на заочку или найдём другой вариант. Тебе не место среди этой грязи.

— Что?! — я задохнулась от возмущения. — Ты не имеешь права! Это моё образование, моё будущее! Ты хочешь запереть меня здесь, в этой глуши, просто потому что тебе что-то привиделось?

— Я хочу спасти то, что от тебя осталось! — рявкнул он, внезапно теряя самообладание. — Пока ты окончательно не стала такой, как все эти городские бабы!

— Да ты сам всё придумал! — я закричала, и мой голос сорвался на хрип. — Ты сам выдумал мне измены, сам обиделся и сам меня же виноватой делаешь! Ты портишь мне жизнь, Дима! Ты просто боишься, что я стану умнее, успешнее, что я увижу мир, в котором нет места твоим подозрениям!

Я попыталась обойти его, чтобы уйти, но Дима резко перехватил мои руки. Его пальцы впились в запястья с такой силой, что я вскрикнула.

— Пусти! Мне больно! — я рванулась, но он держал намертво, глядя мне прямо в глаза с какой-то фанатичной, пугающей убежденностью.

— Больно? А мне не больно смотреть, как ты ускользаешь? — он тряхнул меня, и я увидела, как его пальцы побелели от напряжения. — Ты никуда не поедешь в понедельник. Мы это решим по-семейному.

Он сжимал всё сильнее, и я чувствовала, как под его ладонями лопаются мелкие сосуды. В его глазах была какая-то слепая ярость и желание подчинить.

Я со всей силы толкнула его в грудь. От неожиданности он разжал пальцы, и я отшатнулась, едва не упав.

— Не подходи ко мне! — я попятилась, прижимая руки к груди. На нежной коже уже проступали багровые пятна: отчетливые следы его захвата.

Я развернулась и побежала к дому, не разбирая дороги. Яр никогда не держал меня так. Он мог крепко сжать, при этом не рая кожу, мог припереть к стене так, что вышибало дух, он властвовал, забирая всё пространство вокруг себя. Но в его силе всегда был жар, вызов, какой-то сумасшедший адреналин. А здесь... здесь была только унижительная, «бытовая» боль.

Дима не пытался меня покорить, он пытался меня проучить, как нашкодившую девчонку. Яр смотрел на меня как на равного противника или желанный приз, а Дима сейчас смотрел как на провинившуюся скотину.

Забежав в свою комнату, я включила свет и посмотрела на свои руки. Несколько отчетливых багрово-красных пятен на каждой, там, где Дима сжимал, доказывая свои права. Клеймо «заботливого» парня.

Я сползла по стенке, глядя на эти ярко-красные отпечатки. Дима был уверен, что спасает меня, но на самом деле он просто пытался сломать мне крылья, чтобы я никуда не улетела из его тесной реальности. Самое страшное было в том, что своей слепой яростью он делал именно то, чего так боялся — толкал меня в руки тех, от кого пытался уберечь.

Я знала его характер: он будет злиться до утра, накручивать себя, а на рассвете пойдет к моим родителям вершить правосудие. До утра у меня было время.

В одиннадцать вечера, когда в соседней комнате затих скрип родительской кровати и дом погрузился в тяжелую деревенскую тишину, я достала телефон. Свет от экрана больно резанул по глазам.

Пальцы замерли над контактами. Маша? Лена? Они хорошие девчонки, но что я им скажу? Они живут в мире дискотек, зачётов и обсуждения шмоток. Для них моя беда будет просто ссорой с парнем, они начнут давать советы, жалеть... А мне не нужна была жалость. Мне нужно было, чтобы кто-то разделил со мной эту тьму. Мне нужен был тот, кто сам был порождением хаоса. Тот, кто не ужаснётся синякам на запястьях, потому что сам привык брать силой. Тот, чьё имя вызывало у Димы приступы бессильной злобы.

Я разблокировала телефон и по памяти ввела номер Ярослава. Мои пальцы немного поддрагивали, когда я набивала текст, глотая горькие слёзы.

Зина: *«Яр... мне так плохо. Пожалуйста... давай поговорим...»*

Отложила телефон на подушку и закрыла лицо руками. Сердце бешено колотилось. Что я делаю? Я предаю Диму окончательно? Или я просто спасаю себя?

Я позвала Волка в свой разрушенный рай. Почему-то именно сейчас мне казалось это единственно верным: обратиться к самой тьме. Я знала, он может постебаться, может разозлиться, но в то же время он единственный, кто способен одним движением, одним касанием пустить по моей коже ту самую электрическую волну, от которой всё остальное станет неважным. Мне отчаянно хотелось, чтобы он просто был рядом. Чтобы погладил по голове своей тяжелой ладонью и выжег эту «бытовую» грязь своим огнем.

Минуты тянулись как вечность. Я вздрагивала от каждого шороха за окном. Ровно через десять минут экран вспыхнул.

Яр: *«Через час у водонапорной башни. Будь готова».*

Коротко. Властно. Никаких лишних вопросов. Он не спрашивал «почему» и не уточнял, что случилось. Он просто обозначил точку на карте, где мой мир снова перевернется.

Я вырвала листок из тетради. Нужно было что-то оставить родителям, чтобы они не подняли на ноги всю полицию района: *«Мам, пап, простите. Мы с Димой сильно поругались, я*

не могу здесь оставаться. Уехала в город пораньше, нужно подготовиться к парам. Не волнуйтесь, я на связи. Целую, Зина».

Ложь. Горькая, как полынь, но необходимая. Я пристроила записку на кухонном столе, придавив солонкой, и тихо выскользнула за дверь.

Ночной воздух обжег лёгкие. Дорога к башне казалась бесконечной, а каждый шорох в кустах — шагами Димы. Когда я увидела лучи фар, разрезающие темноту, сердце пропустило удар.

У подножия башни стоял его массивный, черный внедорожник, похожий на притаившегося в тени зверя. Яр не глушил мотор, и низкий рокот двигателя вибрировал в самой грудной клетке. Когда я подошла вплотную к машине, Ярослав опустил стекло. Его лицо в слабом свете приборной панели казалось дьявольски красивым. Острые скулы, прямой нос и этот холодный, пронизывающий взгляд серо-зелёных глаз.

— Садись, — коротко бросил он, кивком указывая на пассажирское сиденье.

Я рванула дверь и юркнула в салон. Яр медленно перевел взгляд на меня. В этот момент он действительно выглядел как падший ангел, который точно знает цену каждой душе, и цена эта всегда была ничтожной. Его глаза были пугающе пустыми, лишёнными привычного азарта охоты.

— Что случилось? — спросил он, сканируя мое лицо.

— С Димой поругалась, — прошептала я, комкая в руках лямку рюкзака.

— И? — Яр приподнял бровь, и в этом жесте было столько равнодушия, что мне захотелось провалиться сквозь землю. — Я тут при чём, Мур? Зачем ты мне написала?

Я шмыгнула носом, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. В его голосе не было ни капли сочувствия, только сухая констатация факта: я его отвлекла.

— Он... сказал, что я с вами сплю, с Волковыми, — я опустила голову, боясь встретиться с ним взглядом. — Разозлился. Сказал, что заберёт меня из университета.

Яр хмыкнул, достал сигарету и, не прикуривая, покрутил её в пальцах.

— И ты сорвала меня с места, потащила в эту глушь в полночь, чтобы это рассказать? Подруг нет? Почему мне написала?

Я только плечами пожала.

— Прости, — я потянулась к ручке двери.

— Стоять! — от его рыка я замерла. — Чего ты хочешь?

— Отвези меня в город, пожалуйста. Я не могу тут оставаться. Завтра он пойдет к моим родителям, я... я просто не выдержу этого разговора.

— И куда ты ночью пойдешь? — Яр скептически оглядел мой рюкзак. — Время видела, Мур? В общаге коменда уже десятый сон видит, тебя там пошлют подальше прямо через закрытую дверь. А подружки твои сто процентов по домам

на выходные свалили, окно тебе никто не откроет.

— Посижу где-нибудь, — я упрямо вытерла щеку. — На вокзале или в круглосуточном кафе. Ты только добрось, Яр. Дальше я сама.

Он несколько секунд молча смотрел на меня, и в этом молчании я чувствовала себя крошечной и жалкой. Скорее всего, мои проблемы казались ему детским лепетом, мелкой ссорой в песочнице.

— Посидит она, — процедил он сквозь зубы и нажал на газ.

Машина дернулась, выплевывая гравий из-под колес. Внедорожник мощно рванул вперед, в сторону трассы. Ярослав больше не произнес ни слова, лишь его рука крепко сжала руль, а челюсти сомкнулись.

Мы ехали, не проронив ни слова. Из динамиков доносился низкий, тягучий бас — какая-то обволакивающая мелодия без слов, которая только подчеркивала глубину разделяющей нас пропасти. Этот ритм вибрировал в унисон с гулом шин по асфальту, создавая странное, почти гипнотическое напряжение.

Я прижалась к двери, глядя на мелькающие тени деревьев, и думала о том, что, возможно, совершила самую большую ошибку в жизни, снова сев в эту машину. Эта музыка, запах кожи и холод, исходящий от Ярослава, затягивали меня в омут, из которого уже не было сил выбираться.

Когда машина плавно затормозила, я наконец вынырнула

из своих мыслей. За окном не было ни суеты вокзала, ни ярких вывесок круглосуточных кафе. Только высокие, молчаливые громады жилых домов, сверкающие стеклом и сталью. Дорогой район, где тишина казалась почти осязаемой.

— Куда мы приехали? — я растерянно обернулась к нему.

— Яр, тут нет кафе

— Ко мне, — коротко бросил он, глуша мотор. В салоне воцарилась тишина.

— Нет нет, Яр я не могу, — я вцепилась в лямки рюкзака, чувствуя, как сердце забилось о ребра. — Это неправильно. Отвези меня на вокзал, пожалуйста.

Он медленно повернулся ко мне. В полумраке салона его глаза блеснули недобрый, насмешливым огнем. Яр наклонился ближе. Я почувствовала легкий шлейф табака.

— Ой, Красная Шапочка — прошептал он, и в голосе слышалась та самая опасная хрипотца. — Поздно метаться. Ты уже в лапах серого волка. Пошли.

Он вышел из машины. Я помедлила секунду, глядя на его широкую спину. Боялась ли я его? Конечно. В нем всегда было слишком много неконтролируемой силы. Но где-то в глубине души я чувствовала, он не обидит. По крайней мере, не сейчас.

Да, он издевался. Он планомерно добивался моих слёз, выжимал из меня эмоции, ставил в невыносимые условия. Но его издевательства никогда не были такими... липкими. Ярослав действовал на какой-то своей, понятной только ему

границы. Жестокой, острой, но границы, которую он не переходил.

Он разрушал мою жизнь, но он никогда не пытался втоптать в грязь самую мою суть, как это сделал Дима.

Мы поднялись на бесшумном лифте на один из верхних этажей. Когда Яр открыл дверь и щёлкнул выключателем, я невольно замерла на пороге.

Квартира была небольшой, но от каждой детали веяло запредельной роскошью. Минимум мебели, много пространства, голый бетон в сочетании с теплым деревом и кожей. Но главное — панорамные окна во всю стену, за которыми раскинулся ночной город, похожий на рассыпанную горсть бриллиантов.

Я разулась, осторожно прошла вперёд, мои ноги утонули в мягком ковре.

— Ого — выдохнула, подходя к стеклу. Весь мир был как на ладони. — Красиво

— Осматривайся, — Яр бросил ключи на гранитную столешницу кухни. — Ванная там. Чистые полотенца в шкафу.

Он подошел сзади, встал совсем рядом, глядя на отражение моего бледного лица в темном стекле.

— Ну что, Мур? — тихо спросил он. — Всё ещё хочешь на вокзал к бомжам, или здесь перекантуешься?

Я промолчала, не в силах оторвать взгляд от огней города. Здесь, на этой высоте, всё, что произошло в деревне, казалось бесконечно далеким. Словно это случилось в другой,

параллельной жизни.

— Спасибо, — прошептала я, чувствуя, как по телу разливается тяжелая, свинцовая усталость.

Яр ничего не ответил. Он просто стоял за моей спиной, и я кожей чувствовала его тепло. В эту минуту я поняла: Лев был прав. Свет действительно находит выход, но иногда этот выход ведёт напрямиком в логово самого опасного зверя.

Я решила принять душ. Горячая вода смывала дорожную пыль и липкое чувство страха, но не могла смыть осознание того, что я нахожусь в квартире человека, который ещё недавно был моим главным кошмаром.

Вышла из ванной, кутаясь в огромную чёрную рубашку Ярослава. Она пахла им: терпко, дорого и опасно. Подол доставал мне почти до колен, а рукава пришлось подвернуть в несколько слоев, чтобы хоть как-то освободить кисти.

В гостиной горел приглушённый свет. На низком столике уже дымилась коробка с пищей, а рядом стоял бокал тёмно-красного вина. Яр успел переодеться, теперь на нем были свободные темно-серые домашние штаны из плотного хлопка и простая черная футболка, которая, кажется, едва сдерживала напор его плеч.

Он сидел на диване, вытянув ноги, и лениво листал что-то в телефоне. Его вид был расслабленным: босой, без обуви, домашний, но я всё равно чувствовала, как в воздухе вибрирует электричество.

— Ожила? — не отрываясь от экрана, бросил он, и в его

голосе промелькнула знакомая пацанская хрипотца. — Давай к столу. Остынет. Ты за весь вечер только слёзы глотала.

Я робко подошла. Аромат базилика и расплавленного сыра заставил желудок сжаться. Я потянулась к самому румяному кусочку, и в этот момент широкая ладонь Яра, словно капкан, сомкнулась на моем запястье.

Я вскрикнула от неожиданности, а он резким, властным движением дернул мою руку вверх, прямо к свету. Широкий, небрежно подвернутый рукав рубашки соскользнул вниз, полностью обнажая предплечье.

Яр замер. Его взгляд пригвоздил меня к месту, становясь тяжёлым. В ярком, беспощадном свете ламп несколько густых, багрово-синих отпечатков на моей бледной коже выглядели как клеймо. Настоящее, уродливое доказательство «любви» Димы.

— Это чё за херня, Мур?

— Я же говорила... мы поругались, — я попыталась высвободить руку, но он держал крепко, прощупывая пальцами каждый кровоподтек, будто оценивая глубину повреждений.

— Поругались? — он вскинул на меня глаза, и я увидела в них не просто ярость, а тёмный гнев.

Яр медленно поднялся с дивана, не выпуская моей руки. Он был намного выше, массивнее, и сейчас само его присутствие вытесняло из комнаты воздух. Казалось, стены сжались, оставляя место только для него и его холодного, свинцового гнева.

— Этот деревенский выродок оставил на тебе отпечатки своей злости? — голос Ярослава стал пугающе тихим, почти вкрадчивым, от этого по спине пробежал холод. Я видела, как на его шее тяжело заходила жилка. — Он сделал тебе больно. Сжал так, что лопнули сосуды.

Яр не просто злился, он выглядел оскорбленным в лучших чувствах хищника.

— Он испугался... он ревновал... — я сама не понимала, почему пытаюсь оправдать Диму. Наверное, просто по привычке.

— Ревновал? — Яр медленно провел большим пальцем по краю одного из синяков, заставляя меня вздрогнуть от этого мимолетного, почти невесомого касания. — Если я ревную, Мур, я бью врага. А не ту, которую хочу видеть в своей постели.

Он вдруг резко притянул меня к себе, заставляя уткнуться лбом в его грудь. Его сердце билось глухо и тяжело бухало, как огромный, перегретый механизм, работающий на пределе. От него исходил такой жар, что мне на мгновение стало трудно дышать. Это был ритм не страха, а подавляемой ярости, которая едва сдерживалась тонкими ребрами.

— Завтра этот колхозник узнает, что за такие предьявы прилетает обратка. И платить он будет здоровьем.

Я зажмурилась, чувствуя, как по телу разливается странное сочетание страха и... защищенности. Я знала, что Яр не шутит. И в этот момент мне было жаль Диму, но ещё больше

мне было жаль ту Зину, которая считала, что такая «любовь» — это нормально.

— Пожалуйста, Яр... не трогай его, — прошептала. — Если ты сейчас влезешь, его ревность станет просто безумной. Он решит, что всё, в чем он меня обвинял — правда.

Яр посмотрел в мои глаза.

— Боишься его? Только скажи одно слово, Мур, и уже завтра он перестает быть твоим парнем.

— Нет, пожалуйста... — я вцепилась в его футболку. — Не надо крови, не надо драк.

Яр долго смотрел на меня. Ему не нужно было ничего говорить, всё было написано в его взгляде. Для него мои отношения с Димой явно казались не любовью, а гнилой веревкой, которая тянула меня на дно: к вечному запаху бензина и мелким, грязным подозрениям.

Он смотрел на меня так, будто Дима уже был стёрт из реальности, превратившись в досадную помеху, которую скоро уберут с дороги. В этом спокойствии Яра было нечто жуткое, он не просто верил в свою победу, он вёл себя так, словно исход уже предрешен. И Дима на его фоне выглядел лишь проигравшим игроком, который по глупости всё ещё пытается делать ставки.

— Ладно, — наконец выдохнул Яр. — Сегодня я его не трону. Но если он ещё хоть раз коснется тебя так, что останется след... я за себя не ручаюсь.

Яр кивнул в сторону стола, где остывала пицца.

— Садись и ешь.

Я послушно опустила на край дивана. Яр взял со стола бутылку и, наполнив второй бокал, пододвинул его ко мне. Темно-красная жидкость качнулась, поблескивая в свете ламп.

— Пей. Тебе нужно выключить голову, Мур. Слишком много мыслей для одной маленькой девочки.

Я робко сделала глоток. Вино оказалось терпким, с легким привкусом вишни и чего-то пряного. Оно мягким теплом разлилось по венам. Мне, домашней девочке, привыкшей к травяным чаям, хватило одного бокала, чтобы мир перестал казаться враждебным, а плечи Яра такими пугающе широкими. Страх перед будущим отступил, уступая место какому-то детскому, отчаянному любопытству.

— Слушай, — я прищурилась, глядя на огромную плазму в полстены. — У тебя сколько музыкальных каналов на ТВ?

Яр лениво откинулся на спинку дивана, наблюдая за тем, как я расслабляюсь.

— Штук пять, наверное. А что? Решила дискач тут устроить в два часа ночи? Смотри, Мур, если я начну танцевать, соседи точно решат, что начался конец света.

— Давай поиграем, — я подалась вперед, едва не задев его колено. — Это гадание. Задаешь вопрос, переключаешь канал, и первая строчка песни, которую услышишь, это ответ.

Яр хмыкнул, в его глазах блеснула привычная ирония.

— Боже, Зи... Только давай без этой дичи про гороскопы и «подходим ли мы друг другу по звездам». Я в эти сказки для ванильных барышень не играю. Расклад простой: если в конце этого замеса главный приз — ты, то я в деле. А остальное просто пустая трата времени.

— С чего ты взял, что победишь? — я рассмеялась, и этот смех прозвучал неожиданно звонко в его стерильно-тихой квартире. — Тут нет победителей. Просто один вопрос от меня, один от тебя. Попробуем?

Он несколько секунд молча изучал моё лицо, а потом медленно взял пульт со столика.

— Ладно, Мур. Поиграем в твою магию. Начинай.

Я замерла. В голове вертелись сотни вопросов, но один жёг сильнее других: о нем. О том, кто он на самом деле за этим фасадом из дорогих тачек и циничных шуток.

— О чем молчит твоя душа, Яр? — тихо спросила я.

Он нажал на кнопку. Экран вспыхнул, и по комнате поплыл тягучий, мрачный бит. Хриплый мужской голос выдохнул в тишину: «Возьми моё сердце, Возьми мою душу, я так одинок в этот час, что хочу умереть...»

В комнате будто стало холоднее. Яр замер, не сводя глаз с экрана. Строчка попала в самую цель? Кажется с него на мгновение слетела маска самоуверенного хищника. Он медленно перевел взгляд на меня, и в его зрачках я увидела отражение того самого одиночества — глубокого, как ночное небо за окном.

— Мда, — процедил он, криво усмехнувшись. — Мой черед.

Он передал мне пульт.

— Мой вопрос... — Яр замолчал, подбирая слова. — Зачем ты на самом деле написала мне сегодня, Зина? Чего ты ищешь рядом со мной?

Я затаила дыхание, нажала на кнопку. Канал переключился на какой-то старый рок-концерт. Надрывная мелодия гитары сменилась чистым, почти ангельским женским вокалом: «Ты — мой единственный повод остаться в живых...»

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Это не было просто совпадением. Это звучало как приговор и признание одновременно.

— Похоже, твоя игра не такая уж и безобидная, — он придвинулся ближе, его рука легла на спинку дивана за моей головой, почти касаясь волос. — Кажется, мы с тобой теперь как два провода под током — один хрен коротнёт. Твоя «магия» так сработала или просто судьба, решившая, что нам по отдельности скучно?

Яр нажал на кнопку, перебирая каналы, пока бешеный ритм рок-концерта сменился обволакивающим, тягучим блюзом. Глубокие басы отозвались где-то внизу живота, вибрируя в унисон с моим участившимся пульсом.

— Потанцуй со мной, Мур, — он не спрашивал. Он просто протянул руку, ладонью вверх, ожидая моего подчинения.

Я вложила свои пальцы в его широкую ладонь. Ярослав потянул меня на себя, заставляя подняться с дивана и выйти в самый центр комнаты, где панорамные окна отражали нас, как в призрачном зеркале на фоне городских огней.

Он положил одну руку мне на талию, а второй перехватил мою ладонь, прижимая её к своей груди. Я чувствовала, как под плотным хлопком его футболки бешено колотится сердце, так же быстро, как и моё.

Глава 3.

Ярослав.

Я чувствовал, как её колотит. И ни хрена это не от холода, кондёр в хате пахал на полную. Она дрожала, потому что весь её мирок, который она так долго лепила, сейчас рассыпался в труху. Лопнул, как дешёвый пузырь, оставляя её беззащитной передо мной.

Моя ладонь на её талии ощущала каждый изгиб, каждую линию её тела через тонкую ткань моей огромной рубашки. Зина в ней выглядела совсем мелкой, хрупкой, как какая-то дорогая игрушка, которую хочется спрятать от всех ветров.

«Ты — мой единственный повод остаться в живых...»

Чёртова игра. Я никогда не верил в случайную дичь, но сейчас пространство в этой квартире будто сжалось, впечатывая нас друг в друга. Я притянул её ближе, так, чтобы она дышала со мной в один такт. Ткнулся носом в висок, съехал ниже к уху и затянулся запахом её волос. Этот аромат реально сносил мне башню: чистый, ни с чем не сравнимый кайф.

Чувствовал, как под моими пальцами, когда я вёл ими по её позвоночнику, стадом носились мурашки. Она подалась вперед, уткнулась лбом в плечо — спряталась, маленькая. В этот момент мне хотелось сорваться. Реально, прыгнуть в тачку, долететь до этой её грёбаной деревни и выжечь там всё к чертям: каждый забор, каждые ржавые Жигули — всё,

из-за чего она хоть раз пустила слезу. Но я просто вёл её в танце. Медленно, под какой-то тягучий блюз.

Она была моей. И дело не в бабле, не в моей силе и не в её страхе. Просто в этом пластмассовом мире элитных высоток только мы вдвоем сейчас были настоящими, живыми. Я кайфовал от каждой секунды. От того, как её ладошка доверчиво лежит в моей руке, как она вцепилась пальцами в мою футболку.

Я слегка отстранил её, придерживая за талию, и крутанул. Подол рубашки взлетел, открывая ноги. Она тихо рассмеялась, и этот звук, как звон дорогого стекла, отозвался где-то глубоко у меня в груди. Снова сгреб её в охапку, зарылся носом в шею, вдыхая её запах, замешанный на легком винном шлейфе. Она судорожно выдохнула, расслабляясь в моих объятиях, её тело обмякло, принимая мою силу как защиту.

— Ты пахнешь домом, Мур, — прохрипел я ей в макушку, чувствуя, как её сердце вколачивается в мои ребра. — Только не тем, где гнилые заборы. А нормальным домом, который ты ещё не нашла. Но найдешь здесь, со мной.

Я понимал, что эта ночь — точка невозврата. Дима остался где-то там, внизу, в серой пыли прошлого со своими дешёвыми предьявами. Здесь, на двадцатом этаже, была только она, я и этот наш магический союз, который мы оба только что подписали, не произнеся ни единого слова, просто прижавшись друг к другу в этом танце.

Зина.

Музыка медленно растворилась в тишине гостиной, оставив после себя лишь низкий гул работающего кондиционера. Яр не спешил разжимать объятия. Его рука скользнула с моей талии выше, к шее, а большой палец мягко приподнял мой подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом.

В его глазах было что-то новое, непривычное — густая, тягучая нежность, от которой по телу разливалась слабость. Он медленно наклонился, и когда его губы коснулись моих, я невольно зажмурилась. Это не был жадный, властный поцелуй, это было прикосновение-обещание. Осторожное, почти невесомое, пробуждающее внутри целую бурю эмоций, от которых кружилась голова.

— Пошли спать, — тихо выдохнул он прямо в мои губы, когда мы отстранились друг от друга.

Яр выпустил меня из объятий и направился к выключателю, оставляя в комнате лишь приглушенный свет ночного города. Я замерла, прижимая ладони к горящим щекам. В голове всё ещё шумело от вина и близости, а сердце никак не хотело возвращаться к нормальному ритму.

Я растерянно огляделась. В этой идеальной квартире всё было на своих местах, кроме меня. Я ждала, что сейчас он по-джентльменски укажет мне на спальню, а сам начнет устраиваться в гостиной. В моей голове уже сложилась картинка: я — в его огромной кровати, а он расположится на

этом дизайнерском диване. Диван был стильным, но совершенно коротким и узким. Глядя на мощную фигуру Яра, я даже почувствовала укол совести.

— Яр — я замялась, переминаясь с ноги на ногу. — А где я буду спать? Если ты на диване, то он такой узкий... Тебе же неудобно будет.

Я искренне считала, что это единственный вариант. Либо я лягу на диване, что вряд ли, он слишком гордый, либо он. Мысль о том, что существует третий вариант, почему-то казалась мне невозможной.

Яр вдруг негромко усмехнулся. Он подошел вплотную, и я снова почувствовала этот невозможный жар.

— Кто тебе сказал, Мур, что я собираюсь спать на диване? — он наклонился к моему уху, обжигая дыханием. — Моя квартира... моя постель... мои ласки.

Я замерла, боясь пошевелиться. Мир снова качнулся.

— И ты, — добавил он, едва касаясь губами моей мочки, — сегодня тоже моя. Я тебя не трону, если сама не попросишь, но спать ты будешь рядом.

— Рядом? — пискнула я, чувствуя, как краснею до корней волос.

— Мур, ты издеваешься? — он кивнул в сторону огромной кровати, застеленной белоснежным бельем. — Ты думаешь, я позволю тебе ворочаться на этом неудобном куске поролона в гостиной? Пошли.

Я сглотнула, глядя на это бескрайнее белое море. Кро-

вать была огромной, но в моих глазах она сейчас сжималась до размеров крошечного острова, на котором нам придется уместиться вдвоем.

— Но там же... одна подушка. То есть, я имею в виду... — я запнулась, чувствуя себя полной дурой.

Яр не выдержал и негромко рассмеялся, обнажая ровные зубы. Этот смех смыл остатки его холодности.

— Подушек там хватит на небольшую армию, Зи. Иди. Я сейчас приду.

Я послушно проскользнула мимо него, стараясь не задеть плечом, и нырнула под тяжелое, пахнущее свежестью одеяло. Кровать была мягкой, обволакивающей, но я лежала на самом краю, боясь пошевелиться, уставившись в панорамное окно, где огни города казались далекими звездами. Я чувствовала себя как в стеклянном кубе, выставленном на всеобщее обозрение.

Через пару минут я услышала, как вошёл Ярослав. Тихий шорох ткани: снял футболку; мягкий шелест трикотажа — домашние штаны скользнули вниз по ногам. Я сильнее сжала край одеяла, когда его мерные шаги по мягкому ковровину направились в сторону окон, прямо в моё поле зрения.

Я видела его в профиль на фоне ночного неба, а в стекле, как в тёмном зеркале, отчетливо проступало его отражение. В этом полумраке фигура Яра казалась вылитой из темного металла — ничего лишнего, только мощь и рельеф. Широкие плечи, узкие бедра и мышцы спины, которые перека-

тывались под кожей, когда он поднял руку. Я заворожено рассматривала его: татуировки, уходящие за край обзора, и шрамы — следы его реальной, пацанской жизни. На фоне огней мегаполиса он выглядел как хозяин этого города, который наконец-то заперся в своем логове.

Яр нажал на кнопку пульта у окна, и тяжелые автоматические жалюзи начали медленно, почти бесшумно ползти вниз, «съедая» его отражение и огни города, постепенно погружая комнату в густую, интимную темноту. Как только последний луч света исчез, я затаила дыхание.

Я отчетливо слышала его шаги. Он снова обошел кровать, возвращаясь на свою сторону, и остановился прямо за моей спиной. Матрас под его весом ощутимо прогнулся, и я невольно сжалась в комок у самого края. По звукам и тому, как изменилось давление на кровать, я точно знала: он лег на спину и закинул руки за голову. В его движениях чувствовалась какая-то ленивая мощь, которую не нужно было видеть, чтобы ощутить.

Между нами было добрых полметра, но в этой крошечной темноте я кожей чувствовала исходящий от него жар.

В спальне воцарилась тишина. Я лежала, боясь даже вздохнуть поглубже, пока его голос не разрезал темноту:

— Расслабься, Мур. Я же сказал — не трону. Если будешь так сжиматься, завтра не разогнешься.

— Я стараюсь, — прошептала в подушку.

— Иди сюда, — мягко, но властно приказал он.

Я помедлила секунду, но потом медленно, всё еще не оборачиваясь, придвинулась назад. Яр перекатился на бок, сокращая последние сантиметры между нами. Его тяжелая рука легла мне на живот, и он одним коротким движением впечатал мою спину в свою широкую грудь.

Я оказалась в надежной и тёплой ловушке. Моя голова пристроилась прямо под его подбородком, а его ноги слегка коснулись моих.

Это не было принуждением. Это было... правильно. Впервые за весь этот сумасшедший вечер мой пульс начал замедляться, а паника отступила. Я чувствовала его всем телом: непреклонную сталь его грудной клетки, мерные удары сердца в мою спину и жар, который теперь окутывал меня целиком. Его дыхание шевелило волоски на моей макушке, и я почувствовала, как по телу разливается тяжелая, благословенная усталость. В руках Яра я внезапно ощутила себя в самой безопасной крепости в этом мире.

— Знаешь... — подала я голос, когда сон уже начал путать мысли. — Дима не разрешал мне брать его вещи. Он говорил, что у каждого должно быть своё место и свои тряпки. И что в его вещах я похожа на бесформенное нечто, а не на нормальную девушку.

Я почувствовала, как рука Яра на моем животе чуть сильнее сжалась, а его грудь за моей спиной качнулась от тяжелого вздоха.

— Твой Дима просто сказочный олень, Мур, — прохри-

пел он мне в макушку. — В моей рубашке ты выглядишь так, что мне хочется запереть эту квартиру и никогда не выпустить тебя наружу.

Я почувствовала, как его губы медленно, дразняще коснулись моей шеи, выбивая из легких остатки воздуха. Он обещал не трогать, но его действия говорили об обратном. Каждое его прикосновение было как удар током, плавающий мою волю.

— Яр... — сорвался с моих губ прерывистый вздох, больше похожий на стон. — Ты же сказал...

— Я много чего говорю, Мур, — прошептал он прямо в кожу, и я почувствовала, как его улыбка обжигает мою шею. — Но когда ты так дышишь в моих руках... у меня заканчивается терпение.

Я запрокинула голову, подставляя ему беззащитную шею, давая полный доступ к себе. Всё вокруг померкло, перестало существовать. Был только его запах и тяжелая рука, которая начала свое медленное, уверенное движение вниз по моему телу.

Его пальцы скользнули под край рубашки. Он не спрашивал разрешения, он забирал то, что видимо, как ему казалось, принадлежало ему по праву. Я вздрогнула, когда его ладонь коснулась бедра, и по коже пробежала волна таких мурашек, что у меня перехватило дыхание.

— Сладкая девочка... — прорычал он, и я почувствовала, как его хватка на моей талии усилилась. — Моя. Слышишь?

Только моя.

Его рука опустилась ниже, туда, где кожа была самой нежной, и я поняла, что пропала. Он действовал так уверенно, будто изучал меня годами, будто его пальцы знали каждый мой секрет, каждую точку, способную довести до безумия. Я была не «девушкой Димы», не «студенткой из общаги» — я была его Мур, его маленькой слабостью и его самой большой победой.

Я задыхалась от накрывающего меня удовольствия. Яр чуть приподнялся, нависая надо мной со спины, и его горячие губы прижались к изгибу моей шеи, скользя к ключице. Мир сузился до этой кровати, до его тяжелого дыхания и того невероятного, пугающего чувства, с которым он забирал меня себе, подчиняя каждым движением. Я чувствовала, как под его напором окончательно рушатся все мои внутренние заборы, оставляя лишь этот дикий, первобытный кайф.

— Яр... пожалуйста... — я сама не знала, о чем прошу: остановиться или не прекращать.

Его рука на моей талии напряглась, и одним мощным, но удивительно аккуратным движением он перекатил меня на спину, подминая под себя. Я едва успела выдохнуть, как он уже навис сверху. В этой густой темноте я видела только его глаза: два опасных огонька, в которых сейчас полыхал настоящий пожар.

— Тише, — выдохнул он, обжигая мои губы своим дыханием, а затем накрыл их своими в глубоком, сокрушитель-

ном поцелуе.

Этот поцелуй не оставлял места для сомнений. Яр целовал так, будто выжигал на мне клеймо, заставляя забыть всё, что было «до». Когда он на секунду отстранился, его голос, низкий и хриплый, прозвучал прямо у моего рта:

— Просто чувствуй, Мур. Хватит думать. Ты теперь там, где и должна быть. Рядом со мной.

Его пальцы двигались с пугающей точностью, безошибочно находя те самые струны, которые во мне ещё никто не решался затронуть. Я вцепилась в его плечи, чувствуя, как ногти впиваются в его кожу, но Яр лишь глухо рыкнул.

Его пальцы вовсю хозяйничали в самом центре наслаждения, задавая ритм. Он не просто ласкал, он подчинял себе каждую мою реакцию, вырывая из меня тихие, беспомощные стоны. В какой-то момент кислорода в легких просто не осталось, а мир вокруг окончательно перестал существовать.

Ослепительная вспышка, лишающая воли и сознания, накрыла меня с головой. Я выгнулась в его руках, содрогаясь от такой мощной, сокрушительной волны удовольствия, какой никогда не знала прежде. Горло сдавило немым криком, и я уткнулась лицом в его шею, ища спасения в его запахе, чувствуя, как меня буквально разрывает изнутри на тысячи сияющих осколков.

Яр не отпускал, он вжимал меня в матрас, заставляя прожить каждую секунду этого безумия до конца, по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.